

ПРОЛОГ

Он любил это место всем сердцем. Толстые стены из серого гранита, не пропускающие ни тепла, ни чужаков. Ты будто оказывался внутри древнего склепа — безмолвная обветшалая крепость, хранящая многовековые традиции. Здесь столетиями обитали те, кого он считал родней — не по крови, но по духу. Прошло много лет, прежде чем он смог осознать это и обрести тут свой дом. Быть может, однажды это случится и с теми, о ком он заставил себя забыть...

Джефферсон потрянул головой и снова сосредоточился на том, что видел сквозь прутья решетки, делая несколько быстрых пометок карандашом. Ах, если бы он только умел рисовать! Костлявые лодыжки, оплетенные цепями. Оливковая кожа в гноящихся порезах и копна черных жестких волос, похожих на тугие пружинки. Неподвижное лицо, почти умиротворенное. Глаза ведьмы были закрыты, словно она спала полусидя, невзирая на боль от бесконечных пыток. Джефферсон мог поклясться, что при первой встрече они были желтыми с малахитовыми прожилками, как у кошки, и с лентовидными зрачками, как у ящерицы. Такие красивые глаза — яркий признак того, что у их обладателя нет души.

Немного подумав, он вычеркнул последнее предложение и захлопнул дневник.

— Дарий, достаточно!

Молодой мужчина — гораздо моложе, чем ему полагалось бы быть для таких занятий, — послушно отложил раскаленные щипцы и вытер полотенцем лицо, блестящее в багрянце чужой крови.

Джефферсон дернул щеколду, выпуская его из камеры, и снова взглянул на дневник.

Добротный кожаный переплет. Инициалы — «Д» и «Г». В отражении крупной металлической бляшки в форме львиной пасти можно было разглядеть лишь нахмуренные брови и несколько шрамов, пересекающих их. И то и другое — подарок отца. «Пишите свою историю кровью ворожей, ибо она есть самые вечные чернила, которые не сотрет время», — сказал он накануне инициации, протягивая двум братьям кожаные дневники — такие же одинаковые, какими когда-то были и они сами. Когда-то очень-очень давно...

Долгое время дневник Джефферсона оставался пустым, но теперь в нем хранилось больше восьмидесяти историй — восемьдесят ведьм, которых он убил за свою жизнь. И убьёт не меньше уже в ближайшем будущем.

— Ты слышал? — спросил Дарий, подпрыгивая на месте от возбуждения.

— Да, слышал, я не глухой.

Джефферсон подобрал со стола меч и задумчиво взвесил его в руке. Палисандровая рукоять, сверкающее лезвие из дамаска, плоский дол. То было оружие воина. Навагон лежал в ладони так, словно был отлит специально под нее — продолжение его тела, разящее насмерть.

Продев клинок за пояс, Джефферсон закружил по коридору, давая себе время на размышления. Таких коридоров здесь было целое множество: одинаковые и переплетенные, как змеи, они могли даже Инквизитора заставить блуждать до утра. Возводимый камень за камнем на протяжении многих столетий, каждый подземный замок Ордена был бездонен, как глотка Харибды, и надежно укрыт, как рифы

на дне океана. Даже бездомные проныры, снующие по канализациям, не подозревали, что ходят по костям тех, кому обязаны жизнью.

Однако охотников становилось все меньше, а вокруг — все тише. С каждым годом убежища рушились, друзья умирали, а надежда, что разрозненные осколки Ордена соберутся воедино, таяла на глазах. «Ну и кто теперь вымирающий вид?» — слышал Джефферсон от ведьм, решивших съехидничать напоследок. «По-прежнему вы», — отвечал он, хоть это уже и не было правдой, а затем доставал меч и сносил вопящие головы.

— Имя! Она назвала имя! — воскликнул Дарий спустя минуту, не выдержав его молчания. — Мари Лаво...

— Королева Вуду? — насмешливо уточнил Джефф, замедлив шаг, пока вконец не остановился. — И что? Это определено не имя Лепестка.

— Да, но...

— А нас интересует только Лепесток.

— Вдруг ведьма говорила о себе? Вдруг это ее зовут Мари? — не угомонялся тот, косясь на дверь, и Джефферсон устало замычал. Бесстрашию Дария позавидовали бы даже берсерки, но легенды о ведьме с угольной кожей и таким же угольным сердцем, что когда-то гуляли по всей Луизиане, сидели в головах охотников с детства. — Если у нас в камере действительно Королева Вуду, то нам...

— Не носи чушь! Эта ведьма просто в бреду, — фыркнул Джефферсон. — Лаво сгнула еще в прошлом веке! Лучше вспомни, что эта девчонка еще говорила? До того, как я пришел. Должна же она была сказать нам хоть что-нибудь дельное за три чертовых месяца!

— Ну... Утром она ругалась на латыни, — пожал плечами Дарий. — Бормотала что-то бессвязное про Шамплейн и бабу с щупальцами из озера, про говорящих котов и череп с кокаином. Если это все-таки не Лаво... Должно быть, Рафаэль подкинул нам чокнутую.

Джефферсон привалился спиной к колонне и устало помассировал лоб, ноющий от очередной бессонной ночи, которую он провел в погоне за призраками.

— Возможно, — признал он неохотно. — Колдунам никогда нельзя верить, но Рафаэлю надо отдать должное: без него мы бы не нашли и половины тех, кто... — Джефф вдруг осекся, и рука соскользнула с рукояти навахона, неаккуратно очертив пальцами дол Шивы. По полу забарабанила кровь, но он даже не заметил этого. — Подожди... Ведьма сказала «Шамплейн»?

Дарий кивнул, и Джефф тут же поспешил к карте, кропотливо составляемой им в ходе долгих скитаний. Смахнув со стола охотничье снаряжение, он разложил иссохший пергамент и прочертил собственной кровью маршрут от Шрипорта до маленького, но чертовски знакомого городка.

— Но там Лепестку негде укрыться, — покачал головой Дарий, заглянув наставнику через плечо. Окружённый лесами и Зелёными холмами, Берлингтон удостоился лишь точечной кляксы и шрифта размером с тот, которым в контрактах пишут самые неприятные условия сделки. — В Вермонте нет ковенов...

— Сейчас нет, но раньше был. Ты слишком юн, чтобы помнить, — прошептал Джефф, судорожно роясь в памяти и рассказах брата, обрывки которых зазвенели в ушах. — Раньше, очень давно, озеро сторожил древний ковен родом из Франции... Ныне вымерший ковен. Жаль, что не нашими стараниями, но до сих пор ли он мертв? Хм... Нужно проверить.

Дарий скривился от мысли о новом путешествии в тесном фургоне, прожженном сигаретами, но возникать не стал, уже подбирая со стеллажа свой лук. Ни одно его слово все равно не имело для Джеффа реального веса: если тот что-то решил, то уже не передумает.

Земля, что отняла у него единственную опору в жизни. Воды, что породили ворох проблем для его семьи. Воздух,

пропитанный кленовым сиропом и гнилыми яблоками, который он не вдыхал с похорон своего старшего брата. Проклятый Шамплейн! Нет, это не может быть совпадением. Рафаэль обещал, что колдунья выведет их на след Лепестка, и он не соврал.

Джефф смахнул в рюкзак вещи вместе с картой. Улыбка растянулась на его губах — оскал, обещающий кровь, ведьмины потроха и веселье.

— Если Эхойдун там... — произнес Джефферсон, не заметив, как открылись желтые глаза по ту сторону тюремной решетки. — Если легенды о царице ведьм правдивы... Мы убьем ее и положим конец существованию магии. Наша охота скоро закончится, Дарий, и Орден исполнит своё предназначение.

I

ПОКОЙ НАМ СНИЛСЯ

Зима была моим любимым временем года. Свет, задушенный угрюмыми серыми тучами, полностью затухал уже к пяти часам вечера. Короткий день и долгая ночь — природа умирала мучительно, чтобы вскоре вновь возродиться. Однако в такой смерти таилась своеобразная прелесть: промерзлая земля побелела от снега, и Зеленые горы напоминали спины гигантских полярных медведей, погруженных в сон. Леса тоже прихорошились под тонким слоем инея: он сверкал на верхушках кленов, напоминая йольские украшения из горного хрусталя, которыми ведьмы традиционно украшали деревья накануне зимнего солнцестояния. С первого дня декабря повсюду пахло праздником: дома — какао со взбитыми сливками, цукатами и ромовым кексом, а в лесу — душистыми еловыми ветками и бузиной.

Вместо того чтобы прятаться от холода, как другие маленькие городишки, Берлингтон оживал, раскрывая объятия туристам: ярмарочные лавки с деревянными побрякушками за считанные минуты выворачивали их кошельки, а под навесом, спасающим от снегопада, готовили вкуснейшие вафли с беконом. В это время озеро Шамплейн напоминало зеркало — безупречно гладкое и расписанное терпким, как ментол, морозом. Каждое утро берег осаждали рыбаки, а по кромке на санях катались дети. Середина озера же всегда оставалась подвижной, точно жидкий центр у шоколадного

фондана: Шамплейн, глубокий и преисполненный магии, никогда не замерзал целиком.

Поистине прекрасная зима — самая спокойная и счастливая из всех прожитых мною зим. Однако, будучи Верховной ведьмой, я не могла насладиться ею в полной мере. Особенно сейчас, когда болталась над землей вверх тормашками и отбивалась от плотоядных фэйри Неблагого двора, пытающихся урвать кусок от моей плоти.

— *Gu skin iad*, — прошептала одна из них у меня над ухом, что дословно означало: «Снимите с них кожу, пока еще не остыли».

Мир кружился перед глазами, как кружилась и я, раскачиваясь на ветке орешника, связанная по рукам и ногам. Мягкие, но тугие веревки были сплетены из сырого мха. Они обвивали все тело, пережимая рот и горло так, что в груди пекло от нехватки воздуха. Постоянная качка заставляла желудок кувыркаться, и я постаралась сосредоточить взгляд хоть на чем-нибудь неподвижном, чтобы не потерять сознание.

В небе кричала полумертвая пещерная сова, а в нескольких метрах от нас простаивал накрытый стол. Сервировка из латунной посуды, скатерть из падуба, местные лакомства из зимних ягод и соленых грибов. Все выглядело так аппетитно, что во рту копилось слюна, но откуси хоть кусочек — подавишься желчной пеной от яда. Зато в деревянных кубках, увитых коваными виноградными лозами, плескался вполне съедобный пряный нектар. Темно-красный, как выдержанное вино, но мерцающий, как разлитое северное сияние. На вкус — мед и арахисовое масло! В нектаре фэйри можно было увидеть отражение своих грез и самых сокровенных желаний, а одним глотком разом утолить и голод, и жажду. Дальше дело оставалось за малым: дурман быстро вытеснял все заботы и мысли, делал тебя пьяным, послушным и глупым. Одна капля на язык — и ты уже никуда не хотел уходить. А фэйри тем временем подливали тебе еще

и еще... Но руководствовались вовсе не гостеприимством, нет, а голодом: как иначе усмирить добычу и заставить не дергаться, пока будешь разделять ее по частям? Именно поэтому железное правило мира фэйри гласило: «Никогда ничего не ешь на их пиру!»

Но если Диего и следовал каким-либо правилам, то все они сводились к «Умри молодым, зато красивым!».

— Эй, малышня! Давайте это обсудим, — улыбнулся Диего, неуместно довольный, как сытый кот, пусть и болтался на соседней со мною ветке. Успев налакаться нектара с дурманом, пока я копалась в англо-гэльском словаре, он теперь не мог вспомнить ни одного заклятия. Лишь бормотал что-то бессвязное и наивное, мобилизуя все свое очарование, которое на фэйри, увы, не действовало. — Вы же такие душки! Не надо нас... ик... есть! Мы можем привезти вам крекеры, сосиски... Яблочный пирог Коула!

Странно было ожидать, что ведьмак, всю жизнь идущий со смертью рука об руку, будет ее бояться. Инстинкт самосохранения у Диего атрофировался еще в детстве, когда он, судя по рассказам, додумался вступить в чикагскую мафию, едва отметив свое четырнадцатилетие.

— Очень вкусный, кстати, нектар. Ик!.. Можно еще? Ик...

Фэйри его не услышали, слишком занятые тем, что вспарывали на нас одежду маленькими спицами. Мы для них — лишь конфеты в шелестящей обертке. Сами фэйри были размером с мизинец, не больше — прыткие малютки, чьи мерцающие перламутровые крылышки трепетали в воздухе со скоростью крыльев колибри. Но, несмотря на их скромные размеры и миловидные платица из цветочных лепестков, аппетит у них был волчий. Как, кстати, и челюсти: пробравшись в палатку к путнику, уснувшему от сонной пыльцы, фэйри запросто могли отгрызть ему конечности. К нашему счастью, эта пыльца не действовала на тех, в ком тлела хоть частичка магии, а потому мне почти удалось высвободить руки.

Заметив это, фэйри застрекотали и облепили меня мо-скитным облаком. Один из них забрался мне под дубленку. Я завизжала и взвилась, когда острые зубки вонзились в нежную кожу ребер, пытаюсь прогрызть себе путь внутрь моего живота.

— Довольно! — вскричала я, выплюнув изо рта травяной кляп, и запястье наконец-то выскользнуло из петли. Прихлопнув пару докучливых фэйри ладонью и поморщившись от вязкой пурпурной крови, запачкавшей рукава, я прорычала: — Видит Титания, я пыталась решить все миром. Вы сами напросились, мелкие зубастые прилипалы! *Rhyddid!*

Лианы, затрещав, наконец распутались. Диего нырнул прямо в сугроб, замычав что-то на испанском. Чудом приземлившись на ноги, я выставила перед собой руки, сжигая мерцающие крылышки суетливых и прожорливых тварей дотла. С пронзительными воплями они бросились врассыпную. Рты их, искривленные и шипящие, были перепачканы в крови, что сочилась из моей вспоротой кожи тут и там, пропитывая дубленку. Особенно ныла шея: искусанная, она вся посинела от посягательств на мою сонную артерию, но раны быстро затягивались.

— Вы сгубили девять путников! Взрастили сонные цветы на каждом шагу и превратили леса Вермонта в свои охотничьи угодья, будто они принадлежат вам. Но это не так! Вы на моей земле, фэйри, — прорычала я, с упоением наблюдая, как большинство из них, оставляя за собой след из розовой пыльцы, устремились к открывшемуся portalу. Такой же розовый и искрящийся, будто вихрь из сахарной ваты, он уносил их обратно в родные края. — Правильно, валите в свои Неблагие земли! Передайте своей королеве, что, если сунется сюда еще раз, я сделаю из ее подданных зубочистки! *Dissiliunt et adolebit...*

Оставшиеся фэйри начали лопаться, точно переспелые яблоки, и сугробы забрызгало мелкими ошметками мяса.

Я раздавила ботинком чьи-то серебряные крылышки, трепыхающиеся на ветру, и те хрустнули под подошвой, как стекло. Даже не поморщившись, я мысленно заверила себя, что это не более чем жестокие насекомые, и вытерла обувь о снег, наблюдая, как он становится фиолетовым.

— Ты в порядке? — спросила я у Диего, когда портал в корнях дуба схлопнулся, навсегда отделив мир фэйри от мира людей.

— Да, вроде только задница отмерзла, — пробормотал он заплетающимся языком, неуклюже приподнимаясь на локтях с промятого сугроба.

— Это потому что ты сидишь в снегу... И не носишь трусы, — сморщилась я, вспоминая прошлое воскресенье, когда опрометчиво заглянула к Диего утром, чтобы разбудить его к завтраку. Ярый противник пижамы и нижнего белья, он даже одеялом не укрывался... Татуировка *Daddy* над пахом навсегда отпечаталась в моем сознании.

— Я только сплю без них, — разоткровенничался он, опрокидываясь обратно в снег. — А вот зимой ношу, и даже с шерстяным начесом. Холодно ведь!

Закатив глаза, я схватила Диего за руку и помогла подняться. Его куртка, распоротая фэйри, уже валялась где-то под скамьей, а шерстяной свитер висел лоскутами, изъеденный дырами, будто пережил нашествие моли. В прорезях виднелись чернильные сиклы, вытатуированные на смуглой коже, а бирюзовые волосы буквально светились неонами, чего с ним раньше никогда не случалось. Похоже, нектар действовал как колдовской энергетик. Жаль, что энергия эта пошла совсем не в то русло.

— Лучше ответь, — сказала я, глядя на Диего сверху вниз, когда он, покачнувшись, снова завалился на бок и забарахтался в снегу, — почему ты меня не послушал?! Я же десять раз повторила, что вся еда фэйри отравлена или зачарована, что ее нельзя пробовать, если мы хотим вернуться домой живыми!

— Мне было любопытно, — пробурчал Диего.

— Любопытно умереть?!

— Любопытно узнать, какова на вкус их пища. Боже, я в жизни лучше браги не пил!

— Это был нектар, — поправила я и высыпала на лицо Диего ворох снега, набранного в ладони, чтобы поскорее привести его в чувства.

Поперхнувшись и с трудом разлепив склеившиеся ресницы, он наконец-то протрезвел и снова поднялся, опираясь о перевернутую кем-то из нас скамью.

— Здесь осталось еще хоть чуть-чуть? — спросил он с надеждой, рыская взглядом по столу, заставленному лесными изысками.

Пестрый от изобилия, с нагромождением деревянных подносов и неестественно ярких листьев, что заменяли скатерть, этот стол навевал философские мысли. Гроздья словно только-только поспевших ягод, но заледеневшая земля вокруг. Никогда не доверяй тому, что выглядит так же хорошо, как пряничный домик из сказки про Гензель и Гретель: сладости не только детей заманивают в ловушку.

— Диего! — вспыхнула я, шлепнув того по ладони, когда он потянулся к забытому на пне бурдюку, от которого за версту веяло приторно-сладким дурманом. — Даже не вздумай тащить это пойло в особняк! Зачем ты вообще пошел со мной, если от тебя ни капли проку?!

— Ну решил, что одной тебе будет скучно, — объяснил он, набрасывая на плечи порванную куртку и неторопливо сшивая ее одними пальцами: ткань принялась срастаться на нем, как на мне срасталась израненная кожа под даром исцеления. — Да и вдруг сама королева Титания явилась бы на встречу? Тогда я бы просто обворожил ее своей улыбкой и...

— Титания — не Морган, — насмешливо напомнила я, и Диего скорчил в ответ гримасу. — Если бы она была здесь, мы бы уже лежали по частям на этом столе с печеными ябло-

